

«Сколка тебе, Савушка, не жить, а галавою своею наложить», «Кто к сему подобно не творит, тот все галавою наложит» — ср. «Баба ворожила, да головой наложила» (Сб. пословиц 1779 г.); «Радуйся, дурны нос, на лес глядя рос» — ср. «Глядя на лес не выростешь» (там же); «А васшта бубнов пушу» — ср. «Гол что бубен» (там же).

Без перемены автор повести вставил только две пословицы из известных в старых записях: «Бараденка выросла, а ума не вынесла» и «Глас народа глас божий», но вся рифмованная речь его — это именно тот склад, который, как видно по записям XVII в., вполне выработался к этому времени и, закрепленный на письме, не мог не оказать своего воздействия на литературу.

Но автор повести о попе Савве не ограничивается пословичными реминисценциями: вторая часть «сказания» — «сон попа Савы» — пародирует тип многочисленных народных песен, в частности постоянную формулу русских свадебных причитаний невесты. «Мало мне ночесь спалось, да много виделось» (вариант «... да много во сне вралось»), так начинается сон попа Саввы, в стиле песенных зачал: «Мне ночесь малодешеньке мне ночесь мало спалось, мне во сне много виделось» (Шейн. Великорусс в своих обрядах... т. I, вып. 2, стр. 402) или «Вечор ноне, матушка, мне мало спалось, мало спалось, да много виделось» (А. И. Соболевский. Великорусские песни, т. VI, стр. 21); «Как и нынче доброму молодцу малым то мало спалось, много во сне виделось» (там же, т. I, стр. 497); «Мне малешенько младу спалось, много во сне виделось» (там же, т. I, стр. 498) и т. д. Эта формула заходит и в историческую песню о взятии Казани, где царица Елена так начинает свой рассказ о виденном сне: «Что ночесь мне, царице, мало спалось, в сновиденьице много виделось» (Сб. Кирши Данилова, под ред. П. Н. Шеффера, стр. 119).

Только последняя часть «сказания» делает попытку стилизоваться под книжно-литературную форму. «Смешной икос» построен по схеме акафиста, но все «книжное» ограничивается в данном случае только схемой и повторением начального «радуйся», как приблизительно через 200 лет это сделано Н. Щербиной в его «Хвалебной песне блаженному борзописцу некоему литературы ради юродивому» (Собр. соч., 1873, стр. 294). За исключением этого начального «радуйся», автор не делает никаких попыток приблизиться к церковной речи, резко отличаясь в этом отношении от автора «Кабачного праздника». Таким образом, «Сказание о попе Савве» по своей литературной манере гораздо ближе к устной традиции XVII в., чем к письменной.